

к синтезу, что мы видим на примере тех же евразийцев. При этом хотелось бы заметить, что первостепенно встает вопрос о том пространстве, что мы населяем, и о том пространстве, в котором мы хотели бы жить. Естественно, что все хотели бы жить в благополучном и счастливом пространстве, однако что-то идет не так. Понять, где происходит цивилизационный слом, – непростая многогранная задача. На нее влияют и метафизика, идеи о космосе. Также важно присутствие вечных идей о бессмертии и воплощении бессмертия в мире. Понять, где происходит тут цивилизационный слом, задача достаточно непростая, метафизическая, мистическая и эфемеридная.

Как это могло бы работать? В моем понимании идея о бессмертии находит свое отражение в героических мифах Греции, где герои не умирают, а становятся полубогами (или даже богами). А боги не умирают, умирают только люди.

Восток дает более конкретные модели того, как можно работать с Духом. Здесь более важно то, как человек сам для себя определяет отношение к духовности, насколько он готов жить в семантике, что означает, как я говорил ранее, необходимость создания и расширения своего словаря. Также человек должен научиться находить немотивированные слова, ведь лишь они могут находиться в оппозиции к идеологии, которая всегда ищет мотивированное слово. Поиск свежей семантики, новых слов и смыслов, которые поднимали бы человека и давали бы ему новый взгляд на жизнь – и есть тема исследования русского духа и духа в целом. Я считаю, что эволюционно мы все стремимся к универсальному Духу, единому для всей Земли. Будущий мир для меня не буддистский, не христианский, не иудейский и не исламский. Он строится уже на других основаниях, которые в данный момент не очень понятны. Мир без симулякров и иллюзий, мир, в котором должен находиться человек по праву своего рождения. Это единственное и самое важное предназначение человека – быть в своей подлинности. Однако все так устроено, что в разные периоды жизни и от разных социальных матриц человек оказывается отрезанным от этого. И либо он становится как все и принимает конвенции общества, либо он ищет себя, свой мир и свой язык, свою тему. Ведь именно тема определяет жизненный путь человека, его смысл.

Доклад 15.

«Настоящность» русского мировоззрения в русском мировоззрении

Екатерина Евгеньевна Звонова

Кандидат философских наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Мне так нравится это слово – собор, потому что оно сразу располагает к соборности.

Я очень хорошо помню, когда я поняла, что я какая-то не такая, как другие люди, потому что я русская. Это было в 11 классе, и я писала эссе для того, чтобы поучаствовать в международной олимпиаде по философии. Вместе со мной его писала девочка из Германии. Интересная у нее жизнь. Она выступала за Россию, но, по сути, была представителем немецкой культуры. Отец у нее был дипломатом, она воспитывалась в немецкой традиции, училась в школе при немецком посольстве, при этом в России. Я помню, что когда наши эссе анализировали проверяющие, то было сказано, что у меня взгляд на вещи типично православный, а у нее типично протестантский, притом что мы были из светских семей. (То есть мне не прививали определенные религиозные ценности.) И я поняла, что культура, окружающая меня, устроена так, что она делает очевидным для меня то, что совсем неочевидно. А для других людей, представителей других культур, очевидны другие вещи.

Когда ты ребенок, то для тебя это целое открытие, и я попыталась проанализировать – что такого в моей работе отличного в культурном смысле. И хотя там было упомянуто православие, я, как человек из светской семьи, не очень представляла, что это, на глубоком уровне. Я бы, если бы сама характеризовала, что это, я бы сказала, что это настоящость. С моей точки зрения, это интегральное понятие, которое проявляется именно в русском мировоззрении на всех уровнях. Начиная с гносеологии, все мы живем в настоящем времени. У нас есть три времени, в английском – шестнадцать. Все они тяготеют к настоящему. Мы можем о будущем говорить «иду я по улице», о настоящем. Даже на уровне языка, когда нечто реально, оно в настоящем.

Это же проявляется и в гносеологии. Для нас истина – это истина. Еще Флоренский это показывал. Это не гносеологический конструкт, не соответствие закону, не историческая данность, поэтому у нас плохо воспринимались вещи вроде конструктивизма, игр в дискурсы. Мы можем это освоить на уровне ума: как сформировался определенный дискурс, в котором у нас теперь определенные представления. Но это воспринимается именно как игра, не как что-то настоящее, берущее за душу, за что люди готовы пожертвовать жизнью. Вот если человеку сказать «будь мужиком» или «за Родину-мать», то он будет мужиком и пойдет за Родину воевать. А если долго рассуждать, что мужественность – определенный культурный конструкт и что Родина как ценность – тоже определенный конструкт, то это воспринимается как что-то, извращающее настоящесть, то есть на уровне интуиции у нас есть эта уверенность, что есть нечто настоящее. Не так, что пол, истина, Родина, ценности – конструируются. Да, может, и конструируются, но за всеми этими конструктами есть что-то, что не конструируется, и это что-то больше, чем мы, стоящее самопожертвования. Что-то абсолютное, универсальное, и это то, с чем мы должны соизмеряться, а не то, что должно соизмеряться с нами. Не то, что конструируется, не то, что удобно нам. Оно не обязано быть удобным нам. Вот это совершенно неочевидно и действительно во многом идет от православия. Я думаю, в большей части идет от православия. Я это изначально воспринимала как настоящесть. В нравственном смысле все то же самое.

Есть настоящие ценности, и они, как уже было сказано, не обязаны всем нравиться, всем быть удобными и соотноситься с нами. Мы должны соотноситься с ними. Это очень хорошо наблюдается, когда ты смотришь за реакциями людей. Я неоднократно со своими студентами говорила на какие-то темы, связанные с этикой, и их эмоциональные реакции всегда хорошо демонстрируют, что у нас представления о настоящесть на уровне культуры есть. И есть представления о том, что есть настоящий порядок. Если мы его нарушаем, это плохо. Не так, что мы нарушаем что-то сконструированное, если нам уже неудобно, то этот конструкт можно разобрать и отправить его на чердак. С одной стороны, это то, чем мы действительно можем гордиться. Если бы у нас этого не было, то не было бы действительно достойного того, чтобы этим гордиться. На уровне культуры у нас не любят либералов. Даже слово есть «либераст». Я не слышала в других языках такого слова, именно потому, что ценности классического либерала вторичны по отношению к человеку. Он не признает ценностей, стоящих над человеком. Он говорит: человек есть ценность. Его слова, его свободы, и то, что нарушает

его права и свободы – это плохо. Нет высшей ценности, чем это. Поскольку у нас интуиция противоречит данному положению, то на уровне культуры очень характерно, как мы относимся к тем же либералам. Казалось бы, хорошие же люди. Во многом их установки, отношения к границам человека восполняют то, с чем у нас в культуре явные проблемы. Но все равно интуиция нам говорит, что если не человек для Родины, а Родина для человека, то это значит, что человек будет проявлять самоотверженность и жертвенность, а у нас эта ценность есть из православия. Такая кинетическая установка, что есть нечто большее, чем мы, и что мы можем реализоваться, именно пожертвовав собой ради этого. А если мы будем тянуть одеяло на себя и считать, что мы – центр, мы – то, вокруг чего нечто крутится и с чем нечто соизмеряется, то мы потеряем себя. Вот, пожалуйста, мы становимся нетолерантными, агрессивными. Мы говорим – «либераст». Те, кто защищает различные меньшинства, это правильные люди. И с тем, с чем у европейцев не так уж и плохо, у нас-то как раз плохо. Нельзя сказать, что это та этика, тот взгляд на мир, который не имеет проблем. Мы имеем проблемы с отношениями к людям, с оценкой тех, кто похож на нас, с оценкой тех, у кого другая система координат. Но, с другой стороны, мы не имели бы того, чем мы действительно вправе гордиться, если бы мы были другими. Действительно, нельзя требовать жертвенности, если ты не веришь в то, что ценность настоящая. Действительно, нельзя требовать самоотверженности, сплоченности коллективной во имя того, что противоречит с прагматической точки зрения личным ценностям каждого члена коллектива, если нет веры в то, что есть нечто настоящее.

Поэтому, на мой взгляд, настоящесть – квинтэссенция нас, это то, что, с одной стороны, есть предмет нашей гордости, а с другой стороны, это и наша ограниченность. Другими мы просто никогда не будем. Пожалуй, эта установка на настоящесть очень хорошо отражена в русском космизме. Если бы я иллюстрировала с помощью какого-нибудь философского течения, как выглядит настоящесть в нашем понимании, интуиции, я бы привела русский космизм. С чего начинается мысль Федорова? С того, чтобы все сделать по-настоящему. Не так, что мы другие, мы символические, что мы что-то делаем, а реальность остается той же. Так, что мы не символически, а по-настоящему меняем реальность. Не так, что у нас на уровне мировоззрения происходит воскрешение, не так, что у нас на уровне духовном, символическом происходит обожение, трансформация человека, а вот именно как дети это понимают, по-настоящему. Если воскреснуть, то с плотью и кровью, если изменить мир, то по-настоящему, даже на материальном уровне, на уровне зако-

нов природы. Если уж преодолеть ограниченность пространством, временем, материей, то и покорив космос, и сделав человечество автотрофным, и победив саму смерть – все это могло быть только у нас. Этим мы вправе гордиться. Но, с другой стороны, как я уже сказала, это имеет и свои ограничения. Сейчас я это ощущаю особенно остро, потому что, в связи с последними событиями, обострилась проблематика того, кто такие русские, каков их характер, что значит быть русским.

Мне очень больно, когда я читаю посты некоторых участников собора, которые придерживаются разных мнений о том, что значит быть русским, и кто-то из них пишет о том, какие мы духовные, ориентированные на абсолют, и насколько бездуховен Запад, и как те, кто считает иначе, обработанные его пропагандой, и под этими постами помещают возражения, высказывания обратного характера, что, наоборот, это ваша пропаганда вас обманывает, обрабатывает, что такое русская культура, как не производное от европейской и т. д. Это производит неприятное впечатление, потому что люди словно не хотят слышать друг друга, как будто у нас такая ситуация, что либо мы отказываемся от своей специфики и становимся кем-то еще, либо мы не отказываемся, но обязательно обвиняем кого-то еще, то есть кто-то в этой ситуации прав. И, как ни странно, мне кажется, что это тоже отражение нашего менталитета. То есть должно быть по-настоящему, и эта настоящесть должна быть одна. Не как в протестантизме, где каждый вправе толковать Священное Писание по собственному разумению, поэтому у нас много истин условных, потому что никто не знает, какая одна истина настоящая. Мы должны быть толерантны друг к другу, чтобы не поубивать друг друга. А мы-то хотим, чтобы была одна истина, даже если она заключается в том, что мы какие-то не такие, а производные от кого-то. Пусть хотя бы такая, но она будет. Мне кажется, что это как раз то место, где наш менталитет восстает против нас, что это то, где установка на абсолютность должна быть заменена установкой на относительность, хотя для нас это очень сложно. Нам бы в этой ситуации понять, что мы вправе гордиться тем, чем мы гордимся.

Мы действительно вправе гордиться теми положительными следствиями, которые таит в себе установка на абсолют. Как я уже сказала, трудно ожидать пожертвования, когда нет абсолютной настоящести, настоящего абсолюта. С другой стороны, мы должны понимать ограниченность этой установки и то, что у тех же европейцев, которым мы так любим себя противопоставлять, оптика другая. Да, она хуже работает там, где требуется самоотверженность и отказ от индивидуализма. Но она гораздо лучше работает там, где требуется уважение к правам,

свободам, удобству конкретного отдельного человека. И у нас этим зачастую пренебрегают, даже на бытовом уровне. Сидишь на ступеньках, к тебе обязательно подойдет бабушка и скажет: «Милая моя, тебе же еще рожать». И то, что, может быть, ты не собираешься, у тебя другие ценности... «Что значит, другие? Все должны». Это не есть хорошо, это не повод для гордости. И осуждение этого в себе – это не признак отречения своей самости.